

ТУМАНЫ ЭТИМОЛОГИИ

*Буря МГЛЮЮ небо кроет
Вихри снежные крутя.*

Пушкин

*Поплыли туманы над рекой.
Исаковский*

А что именно означает слово МГЛА? Каково его точное значение? Может, это просто туман? Спросить бы у самого Пушкина...

Тюркское происхождение слова *туман* сомнений не вызывает. Здесь странно другое. Почему это лингвистов не удивляет? И не вызывает у них вопросов. Что, русские без тюрков тумана не видели и не знали? Он что, в степях встречается чаще, чем на реке или в лесной и болотистой местности? – А если знали, то как же такое могло случиться, что даже своего названия не имели? Или все же имели, но после утратили. В силу каких это причин оно могло быть вытеснено тюркским словом? Это может быть сделано принудительно в рамках какого-то завоевания и навязывания языка победителей. Или этим словом обозначен какой-то особый, необычный туман? Но как же тогда назывался туман обычный?

Отсутствие таких вопросов многое означает. Ясно, что здесь работает *установка*. Согласно которой максимально возможное число русских слов следует считать нерусскими, т.е. и сам по себе русский язык не вполне полноценным, как бы недоязыком. В лучшем случае какой-то сборной солянкой, составленной, так сказать, с миру по нитке. И потому никакого исследования реальных или воображаемых заимствований просто не полагается. Этим объясняется постоянное сбивание лингвистов при изучении русского языка на языки нерусские. Как будто сам этот язык настолько беден, что без других языков в нем ничего объяснить попросту невозможно. Это особенно характерно в этимологии Фасмера.

Впрочем, следовать подобной *идеологии* вовсе не обязательно. Если, конечно, не ставить цели быть *остепененным* ученым. Язык для этого предоставляет достаточно материала.

Так что же может быть русским обозначением тумана?

Выдвигаемое предположение состоит в следующем. Исходное наименование тумана – МОЛОГА. То же, что МОЛОКО. Имеется в виду МОЛОЧНО-белый туман. Это туман влажный, возникающий при понижении температуры.

Есть также речка МОЛОГА, название которой *не имеет этимологии*. От которой и возникают моложные (*молочные*) реки с *кисельными* берегами. С утратой исторической памяти народная этимология теперь уже связывает это с каким-то воображаемым изобилием. Но это всего лишь обозначение молочно-белого речного тумана, кладбищенской пеленой покрывающего болотистые берега.

Отсюда следует искомая этимология самой Мологи. Она белесая, подобная *молоку*. Из-за чего это? – Покрывающих ее частых туманов, тех самых, которые «поплыли туманы над рекой». Молога и означает молочно-белый туман. Этот туман *влажный*. И это его русское название.

Рис. 1. Поплыли туманы над рекой.

А как же произошло его *предполагаемое* вытеснение тюркским, вероятно, каким-то другим, особым туманом? По-видимому, это наследие ордынской Руси. Конная армия – тумен, теоретически – 10 000 всадников плюс столько же сменных коней и плюс обозы с провиантом – в процессе степного передвижения поднимала настолько плотное пылевое облако, что даже само производное тумен-туман стало соответствовать *пылевому* туману, совместно с дымом пожарищ и создаваемой этим тьме.

Именно о таком сухом пылевом тумане поется в песне.

*Эх, дороги, ПЫЛЬ да ТУМАН,
Холода, тревоги, да степной бурьян.*

*А дорога дальше мчится, ПЫЛИТСЯ, КЛУБИТСЯ,
А кругом земля ДЫМИТСЯ, чужая земля.*

Выделяемыми словами обозначены его основные характеристики – то, что пылится, дымится, клубится – это туман.

Рис.2. Горящая степь.

Есть, стало быть, два вида тумана. Первый порождается в чистом воздухе избыточной влагой речной или болотистой местности. Это *влажный* молочно-белый туман, и его исконное наименование – *малога* или *молога*. Он может быть непроницаемо плотным и в этом случае называется *мглой* (сокращение произношения с перестановкой согласных МъЛьГа–МъГьЛа – для удобства произношения). В которой может быть ни зги (от *згинуть* – сделав пару шагов исчезнуть из глаз) не видно, хотя при этом *светло*.

Рис.3. Предраассветный туман.

Рис. 4. Плотный туман – непроглядная мгла.

Рис.5. Сумеречный туман.

Второй же туман *темный*, образованный пылью и дымом военных пожарниц и в случае зрительной непроницаемости называется *тьмой*. «Тьма» может также означать число 10 000. В ней тоже может быть ни зги не видно, но при этом *темно*. Это и есть якобы тюркский *сухой туман*. Настолько характерный в эпоху Орды, что даже вытеснил собой исходную *мологу*.

Рис.6. Пылевой туман.

Со временем эти подробности подзабылись и стало возможно выражение «Пятые этажи тонули во **МГЛЕ**, которая, точно обвисшее брюхо ЧЕРНОЙ змеи, спускалась в коридор улицы и затаилась и замерла, нависнув, как будто приготовилась кого-то схватить...» (А.И. Куприн – Черный Туман. Петербургский случай).

Здесь следовало бы сказать «тонули во **МРАКЕ**». Поскольку МГЛА светлая, а МРАК – темный (в данном случае – черный).

Мгла тоже может быть *непроницаемой* или *непроглядной*, будучи при этом *светлой*. В отличие от мрака, являющегося *тьмой* или *темнотой* как просто отсутствием света. Метафора поМРАЧения сознания означает его погружение во тьму. Куст русских слов *туман-тумен-темень-темно-темнота* на основе той же самой группы согласных *ТМН* заставляет усомниться в их якобы тюркском происхождении. Есть и другие производные «туманить», то есть *темнить*, затемнять (какой-то вопрос), а также «манить», «об-манивать», туман – об-ман. Состав слова «те-мень» легко этимологизируется как «те(бя)-мин(овать)» - разминуться, не встретить, не найти, «те-мно» – «те(бя) мно(го)» - шарить, искать, «те-мно-та» – «те(бя)-мно(го)-та». Все это исходные русские корни, не имеющие никакого отношения к тюркскому.

А значит, есть просто русское обозначение двух видов тумана. Первый *белый и влажный*, обозначаемый как «малога» или «мгла» по сходству с зрительной непроницаемостью молока. Второй *сухой и темный*, обозначаемый как темень, туман или тьма как просто отсутствие света. Первый почти забылся, второй же постепенно распространился на оба вида. И даже слово «тумак» вроде бы чисто тюркское может происходить от того же «тумана», в котором наткнувшись на что-то или кого-то можно легко заработать «тумак».

А что теперь можно сказать о самом слове ЭТИМОЛОГИЯ?

Интересно посмотреть на его происхождение и значение. Даже не заглядывая в словари можно с уверенностью ожидать очередное «заимствование». Какое-нибудь греко-римское. И точно. Нам тотчас услужливо предлагают следующее «объяснение» – от др.-греч. ἔτιμος — истинный, правильный, верный + др.-греч. λόγος суждение. Итак, ЭТИМОС ЛОГОС считается равным ЭТИМОЛОГИИ. Называемой «верным суждением».

А может наоборот само это греческое ЭТИМОС из русского ВЕСТИМО (то же что ЗНАМО)? А ЛОГОС всего лишь русское ГОЛОС с простой перестановкой слогов? То есть само это греческое ЭТИМОС ЛОГОС есть просто «знакомое слово». То есть *известное*. Ничего собственно не объясняющее.

А если теперь сказать прямо по-русски ЭТИ МОЛОГИ Я=ЭТИ ТУМАНЫ? – Естественное обозначение *неясных* слов, смысл и происхождение которых покрыты *туманом* неизвестности. То есть это вовсе не истинные, а именно *сомнительные суждения*. Прямо противоположное понимание. Ну, и какое из них убедительнее?

Еще примеры сомнительной этимологии.

Одиссей.

Официальная этимология извещает: «имя *Одиссей*, вероятно, происходит от древнегреческого – οὐδυσσοει («быть прогневанным», «сердиться») и таким образом означает «Тот, кто гневается» (на кого, интересно?) или «Тот, кто ненавидит» (кого именно?). Этимология имени Οὐδυσσεύς (Одиссеевс) также может происходить от коренного Ζεύς (Зевс), с которым согласно мифологическому древу у Одиссея имеется прямая родственная связь» (Одис+Зевс?). Такое даже его соратники не придумали.

А что может предложить этимология неофициальная? – Естественно, что-нибудь более соответствующее его поведению или чертам характера. Определяющие возможные прозвища. А что о нем вообще известно?

Прежде всего, он *Хитроумный* (троянского коня лично придумал). Это его первое прозвище, возникшее к моменту завершения троянской войны.

А что может означать второе, требующее этимологии? Что в нем еще такого, что больше неповторимо ни у какого другого греческого персонажа? То, что по возвращении из Трои он умудрился каким-то образом *потеряться*.

Поскольку последняя общая переключка перед завершающей командой «Разойдись!» вдруг выявляет его отсутствие. *Итак*, все на месте? В ИТАКЕ (итоге) выяснилось – одного только Хитроумного и не хватает. Все остальные в наличии, а на последующие расспросы «А ДЕ СЕЙ?» в ответ следовало только недоуменное пожимание плечами. По слухам, в последний раз его вроде бы видели в компании какой-то нимфы, у которой он мог бы и задержаться. На том и порешили, свалив все на погодные условия и происки Нептуна. И все бы так и забылось, если бы не внезапное объявление самого этого Хитроумного «А ДЕ СЕЯ», выставленного нимфой с вещами в самый неподходящий момент домашнего шапочного разбора и предстоящей дележки его имущества, включая супругу. Устроившего по этому поводу немалый шум. Воспетый даже целой поэмой. После чего это второе прозвище «А де сей» стало уже именем нарицательным.

Итак, второе прозвище вполне может быть вовсе не древнегреческим, а просто русским, осмысленным судьбой и поведением самого этого Потеряшки.

ПРЕМЬЕР

Ну, это уже выглядит совсем просто (от франц. *premier* - первый). Но и такая «этимология» означает всего лишь использование его во французском, а не происхождение и тем более *числовой* смысл. Поскольку это просто слегка искаженное *русское* – ПРИМЕР, то есть образец. Во французском искаженном произношении «премьер». Примерный ученик – образцовый, *первый*. Поэтому ПРЕМЬЕРА – ПЕРВОЕ представление. ПРЕМЬЕР-министр – ПЕРВЫЙ министр. То же значение имеет ПРИМА. Означающее – примерный, первый, лучший (балерина или сигареты).

Откуда же возникают «ЭТИ ТУМАНЫ»? Попробуем рассмотреть уже не значение слова этимология, а причины непонимания. Откуда оно берется и как возникает? Здесь требуется сопоставление устного и письменного языка.

«Как слышится так пишется»

Уже из самого этого заголовка видно, почему выражаемый им подход является неприемлемым.

Ведь что означает «слышится»? Это не просто послышалось, т.е. *показалось*, будучи не тем, чем на самом деле. Но это вовсе не всегда так. Здесь может быть вполне правильный, но только *устный* язык. Именно такой, как и «послышалось». Проблема вовсе не в слухе, а в степени соответствия письменного языка устному.

Буквами письменного языка передается не смысловое значение, подобно иероглифам, а звуковое. Считается, что при этом должно достигаться если не полное, то максимально близкое соответствие, которое даже и называют *буквальным*. На самом же деле это далеко не всегда так, а иногда даже вовсе не так. Здесь возникают проблема их расхождения. В чем здесь причина?

Гласные и согласные звуки

Прежде всего, в устном языке есть *гласные* и *согласные* звуки, не имеющие соответствия в письменном, где все они *равноправны*. В нем также имеется понятие *ударения* и соответствующие этому *ударные* и *безударные* гласные. Первые соответствуют *отчетливому произношению*, вторые же – неотчетливому, смазанному *полупроизношению*, близкому и плохо различимому у разных гласных. А на письме это никак не отражается, что может сопровождаться ошибками записи. В устном произношении есть также смысловые паузы и интонации, не существующие в письменном виде, хотя и с попыткой их обозначения *знаками прерывания*.

Некоторые звуки, обозначаемые на письме, вовсе не произносятся. В произношении, например, слово *сонце*, *усный*, *лесница*, а на письме *солнце*, *устный*, *лестница*, где согласные Л или Т не произносятся, но их присутствие считается обязательным. Поскольку есть производные слова *солнечный*, или *уста* с явно произносимыми Л и Т. По правилам записи они сохраняются в словах *солнце*, *устный* хотя теперь уже не произносятся.

А с «лестницей» еще интересней. Корень *лес* может означать исходное происхождение, связанное с лесом. В то же время произносимая согласная «Т» указывает на глагол *лесть*, причем в написании *по произношению*, хотя по правилам написания (орфографии) должно быть *лезть*. Поскольку имеется производное «лезет». «Лезть» означает медленно продвигаться, преодолевая сопротивление. Вверх, против силы тяжести, в непроходимую лесную чащу или в гущу сражения. Лезть тоже можно двояко – физически (на дерево) или морально (в душу). Здесь также может использоваться и написание по произношению – *лезть* в душу, используя *лесть*. Одно и то же слово, используемое в качестве глагола, пишется по правилам написания (орфографии) – «леЗть», а в качестве существительного – по произношению – «леСть». Можно даже подумать, будто это два разных слова, имеющих неодинаковое происхождение.

Оставшаяся часть *-ница* может восприниматься как слово *нищ*, т.е. низ. Но это не так, поскольку существовало написание «лествица», где вместо «-ница» писали «-вица». А «-вица» есть просто «-виться». Что подразумевает витую или винтовую конструкцию рис. 7.

Рис. 7. Лестница – витая (винтовая) лестница.

Слово «лестница» употребляется также и в философском смысле – «Лестница мудрецов» (L'Escalier des Sages), поскольку умственные искания сродни *блужданиям по кругу* в лесу, в понимании самих такого рода мечтателей – с постепенным, хотя и медленным (неуклонным) подъемом вверх.

Закончим это сопоставлением еще одной пары слов ЛЕС и ЛИСТ. Казалось бы, разных, но это не так. Поскольку имеется южный (украинский) вариант произношения ЛЕС-ЛИС. Откуда возникают ЛЕС-ЛЕЗТЬ (лезущий, прорастающий, растущий) и ЛИС-ЛИЗТЫ – в произношении ЛИСТЫ и уже общий ЛИСТ – тоже лезущий, вылезавший, прорастающий (из почки).

Здесь возникает новая пара ПОЧ-ВА и ПОЧ-КА. А как они связаны?

Часть ПОЧ, вероятно, означает *почуять* (ощутить), а окончание -ВА – «вода» (в произношении ВА+ДА). Часть ВА есть собственно обозначение, а ДА – подтверждение.

В целом же, вероятно, ПОЧ+ВА означает «почуять (ощутить) воду». Или же попросту «увлажниться». То есть «почва» есть просто «увлажненная, влажная».

А в слове Поч-Ка, часть Ка считается «древнеегипетской» – жизненное проявление, душа, откуда Поч+Ка – почуявшая, ощутившая жизнь, проклюнувшаяся.

Некоторые слова могут произноситься полностью или сокращенно. Например, *человек* и *чеек*. На записи тоже применяют свои сокращения, общеизвестные или же требующие расшифровки. Это примеры расхождения в устном и письменном языке.

Нормирование в языке

Язык должен быть правильным, то есть удовлетворять определенным правилам произношения и написания во избежание неверного понимания. Это означает его нормированное – близкое или одинаковое воспроизведение по образцам.

Устный язык хотя и нормирован правилами произношения, однако может иметь значительные отклонения при сохранении понимания. Письменный язык тоже нормирован правилами написания, нарушения которых воспринимаются как ошибки, и может существенно отличаться от правил произношения. Двойное возможное отклонение от правил нормированного (образцового) произношения и написания может снижать понимание вплоть до полной его утраты.

Исторические примеры – «ассирийский» царь Навуходоносор=Небухаднезар (английский вариант записи - Nebuchadnezzar) есть искаженное *русское* «Небу угодный царь» в записи иноязычным слушателем. Таковы же «Бохтанассар»=«Богом данный царь», «Белшасар» (Belshazzar)=«Большой царь» – «Великий государь» или «Валтасар»=«Балда царь» – Василий Блаженный!

Исходные различия

Правила произношения и написания изначально не вполне соответствуют друг другу. Письменная передача произношения взамен передачи смысла не в полной мере решает задачу точного выражения устного языка. Зато ее преимуществом является ограниченный набор исходных знаков, *условно* соответствующих используемому набору звуков. Это может служить предметом бесплодных споров – точно ли число используемых букв *равно* числу возможных звуков или на самом деле звуков больше? Ответ на это однозначен. Конечно же, различных звуков намного больше. Ведь, даже не обладая особым слухом, каждый знает, что звуки, издаваемые мужчинами, женщинами или детьми, различаются между собой *высотой тона*. Поэтому, даже не видя говорящего, сразу уверенно определяют – это говорит взрослый или ребенок, мужчина или женщина. Что на письме совершенно не отражается.

Да и не может отражаться, т.к. для этого требуется иметь если не три разных азбуки, то хотя бы постоянное напоминание: М, Ж или Р говорит.

Рода слов.

Такое напоминание выражается особыми формами слов, называемыми *родами* – мужским, женским и средним (неопределенным). Использование которых в принципе появляется исключительно для того, чтобы отмечать требуемую высоту тона. Нельзя женскую речь использовать в мужском роде, а мужскую в женском или вместо среднего то и другое. Что вызывает понятные трудности иноязычных, путающих рода слов, поскольку в их родном языке они могут отсутствовать или распределяться иначе. При этом множество слов, не относящихся к понятиям рода, т.е. не являющихся мужскими, женскими или детскими тоже изменяются подобно таким родовым понятиям.

Здесь проявляется языковая избыточность, где ничего уже не значащие рода слов используются в целях универсальности применения самих склонений.

Рода слов - реальные и условные.

Любой интересующий нас объект (ИНО), живой или неживой, материальный или нематериальный, например, мысль, может на нас воздействовать или же подвергаться воздействию. Тем самым как бы оживляется нами, приобретая *условную форму рода*. То же относится и к живому, половую принадлежность которого установить затруднительно или она не существенна, например, насекомым. Подобно тому, как у живого объекта может быть *он, она* или *оно*, у неживого тоже принимается *условное оживление*. В простейшем случае по аналогии с мужским обозначением «ОН», оканчивающимся на согласную, любой другой ИНО, тоже оканчивающийся на согласную, может считаться *условным «ОН»*, т.е. мужским родом; оканчивающийся на гласную по аналогии с женским обозначением «ОНА» – *условным женским родом*, а с окончанием «О» – *условным средним родом*.

На практике может, конечно, случаться по-разному, но в целом наше восприятие производит условное оживление *любых* ИНО. Обогащающее язык в числе его форм, а вместе с этим, вероятно, само мышление. Но и одновременно затрудняющих его изучение иноязычными, которым нужно кроме собственного значения слова еще и запоминать его род и виды склонения. Требуемое постоянной тренировки, без чего легко забывается. Особенно если в другом языке тоже применяется условное оживление, но их *условные* роды при этом не совпадают. То же относится и к форме вежливости, выражающей учтивое обращение к одному в условном множественном числе.

Индивидуальные отличия

Но и это еще не все. А как быть с шепелявыми, картавыми, хрипастыми, гундосыми, визгливыми или эмоциональной тональностью – *наглый, вызывающий, капризный, противный, ласковый, добрый, спокойный, угрожающий, злоеющий, благостный, умильный, громогласный, тихий* и т.д. тоже достигаемые видоизменением издаваемых звуков в пределах их узнаваемости. Хотя и дополняемые неязыковыми средствами – выражением лица, позой, движением конечностей.

Но прежде всего все-таки звуковыми изменениями - *злоеющий* шепот, *радостное* приветствие и пр.

Или вообще *индивидуальными* голосами, которые могут быть превосходно различаемы даже по телефону, несмотря на вносимые им искажения? И это ведь тоже сплошь звуковые отличия. Поэтому попытка реально сосчитать число возможных звуков или патристические споры на тему, в каком из языков звуков больше, и он по этому признаку богаче, а, стало быть, более развит, бессмысленны и не научны. Отдельные звуки в одном языке могут специально отображаться, а в другом нет, хотя и тоже в нем существуют. Простой пример – «чисто английское» the, которое преподаватели тужатся объяснить каким-то особым высовыванием языка между зубами, на самом деле прекрасно известно *любому* русскому. Поскольку именно так произносят маленькие дети слог РЭ пока не научатся правильно выговаривать букву Р. На записи, пытающейся передать детскую речь, это может выглядеть как ЛЭ. А можно писать и прямо по-английски – “the”. Стало быть, звук как

таковой в русском языке существует, хотя и периферийно. А на письме это никак не отражается или отражается не вполне осознанно и приблизительно.

А как называть произношение лучших чтецов? Благородную сдержанность Владимира Сушкова, нейтральную отстраненность Олега Федорова, классический стиль Евгения Терновского, искристый артистизм Михаила Рослякова и т.д.? В сущности это уже не чтение, а своего рода высокое пение.

Один и тот же письменный текст в таком исполнении звучит совершенно по-разному. Лично мне малодоступно различие меломанами качества музыкальных исполнителей (не хватает музыкального слуха при общем восприятии произведения), но вполне понятно различие в чтении.

Эмоции

С утратой грамотности до неспособности связать пару слов с превращением людей в мычащее стадо, явилась мода на выражение каких-то вроде-бы-мнений посредством кривляний или ухмылок, именуемых «смайликами», якобы «оживляющими» примитивный компьютерный текст посредством неопределенных эмоций, обозначающих настроение. Обратный переход к иероглифам, придуманный для оглушения текста под видом глубокомысленности. К подобным же проявлениям «крутости» относятся и выражения «*многабукафф*» или «*леньчитать*», «*анижедет*», «*какбы*», «*кароче*», «*афтаржжот*».

Рис. 8. Ухмылки, обозначающие текстовые эмоции.

Понятно, что на таком уровне примитивизации никакая этимология невозможна и не нужна.

Вернемся теперь к исходной теме – происхождение русского наименования влажного тумана – «Малога».

Безударные гласные

Одной из причин неверного понимания является написание безударных гласных.

В сущности они ведь и гласными не являются, поскольку произносятся неотчетливо. Их можно было бы обозначать особой буквой, например, твердым знаком Ъ, что в некоторых славянских языках так и делается. Однако в принятых у нас нормах их написание полностью сохраняется, как если бы они оставались ударными гласными. Естественно возникает вопрос, какая именно гласная должна здесь стоять, если бы она произносилась отчетливо. Это выясняется с помощью *родственных* слов, в которых искомая гласная находится под ударением. Например, «водА» и «вОды». В первом слове безударная гласная хотя произносится как «А» – «вадА», однако пишется через «О» – «водА» на том только лишь основании, что во втором под ударением произносится именно «О».

А как теперь быть с *чередованием* гласных, которые ведь тоже встречаются? Является ли первый довод (проверка под ударением) достаточным с учетом противоречащего ему второго довода (чередование гласных)? Может быть в слове «вОды» имеет место всего лишь чередование гласных «О» и «А», ровно ничего не значащего в написании слова «вадА»?

Здесь возникает естественное колебание в понимании. Как все-таки лучше писать – по произношению или же «правильно», т.е. по заданным кем-то правилам?

Путь написания по произношению весьма опасен, как это видно в приведенном подзаголовке «как слышыца, таки пишыца», поскольку его последовательное употребление легко приводит к частичной и даже полной утрате понимания написанного. Но и догматичное восприятие «правил» написания (к тому же имеющих так называемые исключения) может привести к появлению ложных различий и даже лишних корней. Поэтому для правильного понимания нужно использовать оба подхода, хотя в практическом употреблении необходимо, конечно, соблюдение правил.

Смещение ударений

Ударение может перемещаться с одной на другую гласную, являясь одним из способов словообразования. При этом произношение гласной, теряющей ударение, становится неотчетливым, что может сопровождаться ошибкой на ее записи.

Примером могут служить слова «мАлый» и «малА» или «малО». Здесь первая гласная «А» как находящаяся под ударением, так и безударная, сохраняет прежнее, хотя и менее отчетливое произношение и написание. Но уже в родственном слове «молодОй» произношение этой безударной гласной хотя и не изменяется – «маладОй», но его нормированная запись неожиданно *изменяется с заменой* безударной «А» на

«О». Как если бы здесь был другой корень – «мОл», а не «мАл». Его появление объясняется наличием выражений «мОлод еще» или «добрый мОлодец», где гласная находится под ударением, с действительной заменой «А» на «О». То есть здесь уже случай явного чередования гласных. А значит корень «мАл» просто имеет другой вариант произношения «мОл» при том же самом значении. В сомнительном случае правильного написания можно было бы писать «мЪладОй» или даже мЪлЪдОй. Действительно, существует вариант «младОй» вообще с пропуском сомнительного написания первой безударной гласной. Хотя в произношении она исчезает не полностью и потому лучше было бы все же писать «мЪладой».

Появление варианта произношения «мОл» вместо «мАл» легко объяснимо. Так просто удобней в произношении, к тому же и выразительней, чем «мАлод» или же «мАлад». Здесь уже явное *чередование* гласных и появление *вариантов* произношения.

Отсюда и возникает *написание* «молодОй» как производное от слова «мОлод», хотя и произносится «маладОй». При этом устный язык является *исходным*, а письменный – производным, и в данном случае написание по произношению «маладОй» было бы предпочтительным, поскольку в нем сохраняется написание исходного корня «МАЛ». Определяющее правильное понимание. И здесь уже не возникнет путаница – так все-таки здесь один общий или же два разных корня? Правильный ответ – конечно же, один корень «МАЛ», хотя и с двумя вариантами *произношения* «МАЛ» и «МОЛ», т.е. с чередованием гласных «А» и «О».

А слово «МАЛ» является одним из первичных, обозначающее младенца, и связано с другим словом того же корня, обозначающим его питание: МАЛОму – МАЛако. Однако этот продукт питания в нормированной записи записывается как МОЛоко, ошибочно связываемое не с корнем МАЛ, а с вариантом произношения МОЛ. Имеется также и устаревший вариант с пропуском безударной гласной МЛЕКО с развитием в форму МЛЕТЬ (от получаемого удовольствия).

Но именно от МОЛОКА и происходит слово МОЛОГА по признаку внешнего сходства – белое и непрозрачное. Берег реки Мологи – *моложный* становится уже прямо *молочным*. Молочные реки и кисельные (раскисшие, болотисто-топки) берега. Кстати, кисейная барышня вовсе не обязательно обряжена в *кисею*, но и *кисельная* в силу чрезмерной чувствительности или капризности. То есть невесело киснущая, всегда готовая по всякому поводу слегка всплакнуть.

Хотя в нормированной записи оно выглядит как МОЛОГА ее часто пишут согласно произношению как МАЛОГА. По существу это правильно как этимологически, поскольку означает МАЛО-ГА, где слово ГА означает падающее или ниспадающее движение (аналогично ВОЛ-ГА, ГАН-ГА), а слово МАЛО означает незначительное, т.е. *медленное* течение. МАЛоко это пища для МАЛого, МАЛо-Га же это *малое* (незначительное) течение. И одновременно МАЛОГА это МОЛОЧНО белый туман утром и вечером медленно текущий поверх этого речного течения.

Дополнительные соображения

Когда же температура дополнительно понижается «молога» сгущается и может начаться «мОлозь»=мОрось (чередование согласных «Л» и «Р», «З» и «С»). В последней не сразу и догадаешься, что сопоставимая с *росой* «морось» происходит от «молозь», а та – от полузабытой «мологи» (или «малогии»), которая в свою очередь от «молока» («малака» – составное слово «мал+лак+ть»= мал+лак+ть= мал+лак+брат), которое в свою очередь от «малого». А уже тот от слова «ма», означающим просто «мать» (МА-ТИ= МА+ТЫ=твоя МА). Так возникает цепочка слов МАТЬ–МАЛ–МАЛАКО (молоко=МА+Лакать) – МАЛОГА (молога) – МОЛОЗЬ – МОРОСЬ. А от нее уже «морозь» и «мороз», от которого затем «древне»греческий АРЕС, латинский МАРС и календарный МАРТ. С отбрасыванием в слове МОРОСЬ первого слога МО возникает РОСА (в произношении – «расА»). А от нее уже и сама РАСИЯ (*увлажненная, росная*). В отличие от сухой степной зоны. Предположение о связи слова РОУСЬ в сокращении РУСЬ с другим сокращением - названием реки РОСЬ вполне правильное.

РУСЬ – это земля *росистая*, достаточно увлажненная, пригодная для земледелия, а СТЕПЬ – засушливая, пригодная для скотоводства, преимущественно кочевого. Ее еще называют ПОЛЕ, вероятно, означающее ПОЛЕвую сторону Днепра, называемое также ЛЕВОБЕРЕЖЬЕМ или Левобережной Украиной.

Исходное противопоставление РУСЬ и СТЕПЬ (она же ПОЛЕ) обозначает две разные климатические зоны, определяющие два вида хозяйствования. Росная или росистая РОУСЬ=РУСЬ – зона оседлого земледелия, а засушливая пыльная СТЕПЬ или ПОЛЕ – область кочевого животноводства. РУССКИЙ и ПОЛОВЕЦ это оседлый землепашец и кочевой скотовод. Мировоззрение каждого определяется его хозяйствованием. Кочевник, переселяющийся на Русь становится тоже русским, а русский, перебравшийся в степь, – кочует. В лице вольного казака. Хотя окончательно поменять психотип, определяемый образом жизни, и превратиться в другого не очень просто. Поэтому русские, добравшиеся даже до границ Китая, по-прежнему землепашцы или охотники и звероловы, но оседлые, а не кочевые. А от РАСИИ идет и АСИЯ, начинающаяся на левобережье Днепра, в значении АСИЯННАЯ (т.е. *световая, светлая*).

От матери и младенца до России и Азии тянется одна непрерывно ветвящаяся цепочка производных слов. Трудно даже поверить, что все это могло возникнуть произвольно, а не в рамках какого-то единого, возможно, *высшего* замысла. Вовсе не требующего каких-либо внешних заимствований. Его удивительная связность, в которой каждое последующее слово с легкостью возникает из предыдущего с учетом особенностей

памяти человека, настроенной не на произвольное и случайное, а на связанное и групповое запоминание. Также называемое *ассоциативным*.